

Борис ОСЫКОВ

ТОЛЯ МАЛИКОВ, ФРОНТОВОЙ РАЗВЕДЧИК

СОСТЯЗАНИЕ НА ПРУДУ

Знойный полдень. Сугробы облаков мнут Готню, не принося ни капли дождя. Улицы поселка будто вымерли. Безлюдно и на пруду, который раскинулся в низине за кирпичным заводом. Только стайка мальчишек подставляет палящим лучам и без того коричневые спины.

— Смотрите, «Кто лучше» идет!

Стягивая на ходу майку, к ребятам шагал высокий худой подросток. Он приехал в Готню из Белгорода на лето, с матерью. Звали его Стасик.

«Кто у вас лучше всех бежит?» — этой фразой начал он свое знакомство с готнянскими мальчишками. Длинноногий Стасик не сомневался в победе. Каково же было Стасиково разочарование, когда в беге его и раз, и другой опередил чернявый мальчишка — Толя Маликов. А ведь он был ниже ростом почти всех своих сверстников. Они и звали его Маликом.

Вот и сейчас Стасик снова затеял спор, кто лучше всех ныряет.

— Ну видели уже, что ты хорошо ныряешь, ну и что...

— Погодите, ребята, — остановил приятелей Толя и, обернувшись к Стасику, предложил: — А давай!

— Да не связывайся ты, Малик, с ним, — попытались отговорить Толю приятели. — Он вишь какой длинный вымахал, да и в легкие у него, небось, больше воздуха набирается...

— А я все-таки попробую, — задорно отвечал Малик.

Ребята придирчиво проверили, не запрятан ли у Стасика между пальцев или под резинкой трусов камешек, кусочек глины. После чего он отплыл до назначенного места, несколько раз открыл рот, набирая побольше воздуха, и скрылся под водой.

На берегу вслух отсчитывали секунды. На тридцать первой Стасик вынырнул. Подплыл к берегу и небрежно кинул ребятам комочек глины со дна.

Теперь была Толина очередь. Снова приятели считали вслух. Голова Малика показалась на двадцать третьей секунде. Подплыв к берегу, он сел на песок, ни к кому не обращаясь, произнес:

— Отдышусь — еще попробую...

Через пять минут Толя снова был на середине пруда. Набрал воздуха, перевернулся и головой вперед пошел в глубину. Все мучительнее хотелось ему открыть рот — плотнеть, все сильнее стучало в висках. Перед глазами вспыхнули оранжево-золотистые круги.

А ребята на берегу забеспокоились. Стасик перестал считать вслух на тридцати.

— Это все ты, — наступали на него готнянские мальчишки. — Кто лучше... кто лучше...

— Вон он! Вынырнул! — раздался дружный радостный крик.

Медленно подплыв к берегу, Малик сел прямо в воде и разжал крепко стиснутый кулачок. По мокрой ладошке растеклась грязно-желтая лужица.

Уже по пути к дому кто-то из друзей упрекнул Толю:

— Зря ты, Малик, так. А если б не выплыл?

— Скажешь тоже, — весело откликнулся Толя и после паузы серьезно добавил: — Вот отцу в гражданскую войну не так приходилось — он ранен был... А на фронте, в империалистическую, против германца... Жалко, мало он про все это рассказывает...

Ивана Семеновича Маликова уважал весь Пролетарский. Хорошо знали его и в районе. Вернувшись после войны в родной хутор Дмитриевку, Иван Семенович обошел окрестные села, собрал представителей бедноты и пошел с ними пешком за полсотни верст на первый Грайворонский съезд Советов.

Не случайно уже в 1928-м, когда в селе Васильевке Ракитянского района организовалось крупное кредитное товарищество, председателем земляки избрали Маликова. Избрали заочно. Пришлось Ивану Семеновичу бросать работу в Белгороде, сниматься с насиженного гнезда. Он перевез семью в поселок Пролетарский при станции Готня, обзавелся домиком.

Большой семье Маликовых, в которой было шесть детей, жилось трудно. Саша, Вера и Евгений были старше Толи, а Валя и Аллочка — совсем еще маленькие. И в это время Ивану Семеновичу пришлось отправиться на долгие «в далекие края».

Старшие дети, как умели, помогли семье. Саша заканчивал среднюю школу. Учился он успешно, а вечерами играл в Готнянском железнодорожном клубе в любительском духовом оркестре. Заработанные деньги приносил домой.

Толя стремился во всем подражать старшему брату. После уроков он любил с одноклассниками хоть ненадолго забежать в клуб. И бывал рад и даже немножко горд, когда Саша доверял ему (хотя бы просто подержать) свой корнет — небольшую медную трубу, похожую на пионерский горн. Подметив интерес братишки, Саша стал обучать его игре на этом инструменте.

Вскоре, получив аттестат об окончании школы, Саша поехал на учебу в институт.

А на следующий день спозаранок Толя «дежурил» возле клуба. Дождавшись руководителя оркестра, ухватил его за рукав и, волнуясь, сбивчиво попросил:

— Никому не отдавайте Сашин корнет. Я на нем играть буду. Я научусь. Не отказывайте мне, пожалуйста!

Мария Федоровна вначале побаивалась, что это увлечение помешает сыну в учебе. Но опасения оказались напрасными: Толя с пятерками и четверками оканчивал шестой класс.

«ВОЙНА, МАМА!»

В воскресенье семья Маликовых собралась за обеденным столом. Не было одного Толи, он с утра убе-

жал в клуб. Обед подходил к концу, когда с корнетом в руках влетел Толя. На лице его было написано такое волнение, что Мария Федоровна поспешно поднялась навстречу.

— Толя, что с тобой?

— Война, мама! Радио сейчас сам слушал...

Так пришла война. Нежданно подкатилась к самому порогу. На станции — воинские эшелоны, на улицах поселка — первые беженцы. К аромату поспевавшей в садах антоновки, к дымкам паровозов и запаху машинного масла все явственней примешивался чад пожара и пороха.

Саша был в армии, добровольцем ушла на фронт Вера.

Немцы подошли к Готне. Мария Федоровна с Толей, девятилетней Валею и четырехлетней Аллочкой решила уходить. С собой брали только небольшие узелки. В одном из них Мария Федоровна обнаружила корнет и стопку учебников, перетянутую новым брючным ремешком.

— Ремень надень. Остальное я закопаю.

Сын молча взял корнет, оставив на столе лишь пачку учебников.

С группой беженцев Маликовы добрались до Ракитного. Тут решили остановиться.

Осенью сорок первого года оккупанты заняли Готню. А вскоре пришли и в Ракитное. Проскрежетали бронированными чудовищами. Протарахтели на мотоциклах. Замелькали во дворах серо-зеленые фигуры, покрикивая: «Матка, яйки, курка, млеко!»

Мария Федоровна решила сходить в Готню, посмотреть, цел ли дом. Вместе с ней пошел и Толя.

В поселок они добрались к полудню. Еще издали заметили над черепичной крышей своего дома столб дыма. Оказалось, во дворе оккупанты установили походную кухню. На огороде устроили помойную яму, как раз на том месте, где Мария Федоровна недавно закопала вещи...

На обратном пути, уже у околицы, Толя отстал от матери: ему хотелось проверить, не обнаружен ли фрицами тайник, в котором он запрятал корнет. Но то, что он увидел, заставило забыть обо всем на свете. В палисаднике их дома орудовал долговязый фашист. Держа в левой руке только что срубленную вишню, он прицеливался тесаком к березке. Той самой, которую Толя когда-то посадил с отцом.

... Дома Иван Семенович бывал не часто, все время пропадал на службе. Но однажды под воскресный день он принес саженцы двух вишен и светлокорой березки. Марии Федоровны не было — у нее поздно кончались уроки.

— Придется тебя, сын, звать в помощники, — сказал Иван Семенович.

Толя выбрал себе березку. Выкопал ямку и, старательно присыпав корни деревца землей, отправился за водой. Пока он возился с одним саженцем, отец успел высадить вишенки и подошел к сыну.

— Да, я вижу, у тебя дела идут как у заправского лесовода, — и, обняв Толю за плечи, привлек к себе.

В степи за поселком у горизонта догорало золото благодатного осеннего дня. Иван Семенович каким-то необычным взволнованным голосом произнес:

— Расти, сын! И эта березка, твоя ровесница, будет крепнуть, станет белой-белой. Пусть совесть твоя будет всегда такой же чистой...

Вмиг припомнив все это, бросился мальчик к врагу, заслонил деревце. Тот опешил от неожиданности, зло рявкнул: «Вэг!»

Толя смотрел на немца в упор, остро, непримиримо. И тот, свирепо покосившись на взбешенного русско-го мальчишку, зашагал в глубь двора.

... Маликовы вернулись домой. Немецкой кухни уже не было, лишь по всему двору валялись куриные и гусяные перья, кости, грязные тряпки, обрывки бумаги.

Оккупанты заняли все лучшие здания в поселке. В школе разместились комендатура, в клубе железнодорожников они открыли свой клуб. В том самом клубе, где Толя играл в оркестре, где он со сверстниками бурным восторгом встречал во время киносеанса сокрушающие атаки чапаевцев...

Толю невозможно было удержать дома. Вместе с друзьями он пропадал где-то дотемна. А ведь немцы разрешили хождение по поселку только до шести вечера. И когда сын подолгу не возвращался, Мария Федоровна прикинула к окнам, прислушивалась к малейшему шороху. А потом, не выдержав, выходила на улицу. Стояла на ветру, кутаясь в старенький плащ. Жалобно скрипели ржавые петли калитки. А Толя все не появлялся.

Однажды, уже в сумерках, со стороны станции донеслось несколько выстрелов.

«Сына до сих пор нет... — пронеслось в голове Марии Федоровны. — А если стреляли по нему?..»

Протопали тяжелые кованые сапоги. И снова тишина. А минут через пять осторожный толчок в дверь. Сын!

Черная шинель (подарок соседа-железнодорожника) перепачкана в земле, видно, полз огородами; в руке — холщовая сумка, наполовину заполненная чем-то. Мать вмиг поняла — гнались за ним, стреляли в него — и спросила только:

— Не ранен?

Сын мотнул головой. Мать выхватила из его рук сумку, бросила за шкаф, спрятала шинель и приказала быстро лечь в постель. Сама пошла в сенцы, погремела запором. Вернувшись, присела на край постели. И долго сидела так, чуткая, настороженная.

Потом достала из-за шкафа сумку. В ней оказалась пшеница. Значит, Толя проник в зерносклад на станции. А там днем и ночью патрули. Его могли поймать, могли убить...

Первым побуждением Марии Федоровны было закопать зерно где-нибудь на огороде. Но ведь сын рисковал жизнью не из-за мальчишеского озорства, он добыл хлеб для семьи. Пусть смертельно опасный, но выращенный на родном русском поле хлеб.

Время настало голодное. Фашисты увозили в Германию все подчистую. Маликовым жилось особенно трудно. Кроме нескольких десятков мелких картофелин да сушеной лебеды, в доме ничего не осталось...

... В сорок втором уже стало ощущаться приближение Советской армии. Краснотельные бомбардировщики не раз крушили вражеские эшелоны на станции. Одна из бомб угодила прямо в комендатуру. Немцы, боясь окружения, поспешно убралась из Готни. Бежали, бросив на путях несколько вагонов продовольствия и оружия.

Толю Маликова в те дни не раз видели в поселке вооруженным — на груди у него висел автомат, из кармана черной шинели торчала деревянная рукоятка немецкой гранаты. Он вместе с группой взрослых нес дозорную службу на окраинах поселка.

И вдруг тревожная весть: немчура возвращается. И Толя уходил из дома, из поселка, уходил вместе со взрослыми...

СМЕЛЫЙ ВОИН

Вскоре оккупанты вторично покинули Готню и поселок Пролетарский. Теперь уже навсегда. В белых маскхалатах, с автоматами через плечо появились на улицах поселка первые советские воины. Люди радостно встречали бойцов.

А Толи все не было. Он появился только на четвертый день. Но не один. Офицер, пришедший с ним, сказал Марии Федоровне:

— Ваш сын хочет идти с нами. Мы выступаем завтра...

— Да как же так?.. Ждала-ждала, и вот тебе, — только и произнесла мать. Слезы частыми каплями заскользили по лицу.

— Ну, мама, ну не надо же... Я еще забегу, занесу хлеб и консервы — нам обещали, — и, опасаясь, что слезы матери поколеблют решение командира, потянул его за рукав к выходу.

Фронт проходил неподалеку от Готни. Однажды, уже под вечер, Толя внезапно вырос на пороге родного дома. Он был в новенькой, наспех пригнанной шинели, с автоматом. Шапку сжимал в руке, голова была перевязана. На бинтах проступили бурые пятна...

Начальник санчасти, седовласый офицер, сделал Толе перевязку, полушутливо спросил:

— Где же изволили попасть в переделку?

— В атаку ходил...

Дома Толя пробыл до рассвета, а потом, взяв с собой корнет, возвратился в окопы.

В части Толю до слез огорчало, что его не пускают на серьезное дело. «Все маленьким считают». Старшина отделения разведчиков как-то заметил:

— Росточком ты, Маликов, маловат, — и добавил, хитровато улыбаясь: — Я вот в свое время кашу ел стоя, чтобы скорее подрасти.

Отношение к юному солдату изменилось после одного случая.

Задание было, как казалось, несложным (потому, наверное, командир и разрешил разведчикам взять с собой Толю): проверить, ни в коем случае не вступая в бой, есть ли в двух селах, лежавших на пути наших войск, гитлеровцы.

В первой деревне оккупантов не было. В сумерках подошли ко второй. Враги, как выяснилось, ушли из нее еще вчера. Разведчики решили заночевать в пустой хате. Перед рассветом их поднял крик: «Фрицы!.. Окружают!..»

— Тихо. Занять оборону, — спокойно приказал командир группы. — Отходим огородами к лесу.

Фашистов было много. Они полукольцом охватили разведчиков, укрывшись за хатами и сараями. Даже короткая перебежка на огороды стоила двух жизней. Разведчики медленно отползали, отстреливаясь короткими очередями из автоматов. Расстояние между преследуемыми и преследователями быстро сокращалось.

И тут Толя вспомнил про свои гранаты (он их перед уходом на задание тайком от разведчиков спрятал в карманы). Он примерился и, выдернув чеку, швырнул гранату в преследователей. Неожиданный взрыв привел их в замешательство — они считали русских уже пленниками.

А разведчики тем временем успели за считанные секунды сделать перебежку. Когда же немцы снова поднялись в рост, Толя послал им и второй «гостинец». Автоматные очереди из четырех стволов прижали гитлеровцев к земле. Так разведчикам удалось оторваться и уйти от врага.

Перед строем разведывательной роты Маликову была объявлена благодарность. А самое главное, теперь Анатолия стали посылать с группами охотников за «языками».

В конце марта 1943 года в маленький домик под черепичной крышей пришло письмо.

«Дорогая Мария Федоровна! — говорилось в нем. — Ваш сын, Маликов Анатолий Иванович, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками награжден правительственной наградой — орденом Красной Звезды.

Сердечно благодарим Вас за воспитание отважного воина. Командование части уверено, что он совершит еще не один подвиг во славу нашей Родины.

27. 3. 43 г. Командир части ст. лейтенант Мешков».

Длительное время это письмо служило единственным документальным подтверждением о Толиной награде. Но можно ли было говорить о письме как о документе? У Маликовых не сохранился даже его конверт.

Поиски в военных архивах долго не приносили никаких результатов. И вот наконец из Архива Министерства обороны СССР пришла копия наградного листа. Он свидетельствует, что «красноармеец Маликов Анатолий Иванович» являлся «разведчиком отдельной разведроты 206-й стрелковой дивизии». Начал службу на Воронежском фронте с 18 февраля 1943 года.

До обидного скупое — буквально в нескольких мало что говорящих предложениях — описано совершенное юным бойцом. Ведь документ составлялся в обстановке фронта. Вот эти наспех, по трафарету набросанные строчки: «Красноармеец Маликов А. И., выполняя боевой приказ командования, в составе группы разведчиков 23.3.43 г. проявил мужество и отвагу. Действуя вместе с разведчиками в районе с. Косилово Красноярусского района курской области, тов. Маликов участвовал в захвате «языка». Вместе со своим пом. отделения он огнем своего автомата отрезал противнику путь отхода, а также и высоты в ложину.

Тов. Маликов достоин правительственной награды — ордена Красное Знамя.

24 марта 1943 г. Командир 286-й отд. разведроты ст. лейтенант Мешков».

Вскоре пришла весточка и от самого орденосца. Заботой и нежностью пронизано это письмо. Вот оно, сохраненное материнскими руками до наших дней, — потершийся на сгибах тетрадочный листок в косую линейку со строчками химического карандаша и штемпелем полевой почты на оборотной стороне.

«Здравствуй, дорогая мама!!!

Здравствуйте, дорогие сестры!

Пишу вам письмо с передовой линии фронта. Mam, если вернусь с задачи, то буду дома (фронт по-прежнему проходил неподалеку от Готни. — Б.О.), а покамест немножко потерпи. Мама, получил орден Красной Звезды. Пишите больше писем. Если приеду, то привезу кое-что из продуктов и справку о том, что я действительно служу в армии, а если не приеду, то пришлю почтой.

Мама, если увидишь кого-нибудь из моих товарищей, то дай им обязательно мой адрес. Сейчас я немножко заболел малярией, но ты за меня не беспокойся. Нас, разведчиков — глаза и уши армии, — очень хорошо кормят и одевают.

Пока до свидания. Крепко целую тебя и Аллочку с Валец. Очень жду писем».

Много раз перечитывала это письмо Мария Федоровна и каждый раз думала: взглянуть бы на этого вояку хоть одним глазом.

Маликовы жили временно в деревеньке Вишнево Беловского района Курской области. Сюда перебрались

многие из готнянцев: фашистские самолеты часто совершали налеты на станцию.

День этот выдался радостным вдвойне. Утром почтальон вручил Марии Федоровне письмо от Саши — после долгих мытарств оно наконец отыскало адресата. Александр Маликов был уже капитаном, командовал батальоном. Со всеми, кто заглядывал к ним, Мария Федоровна спешила поделиться радостью. Она как раз толковала с соседкой о Сашинем письме, присев на деревянном крыльце, когда за плетнем раздался нарочитый басок:

— Скажите, Мария Федоровна Маликова здесь живет?

— Толя... Сынок!..

Невысокая фигурка в новенькой плащ-накидке рванулась к крыльцу, прижалась к матери.

Толя привез с собою вещмешок, до отказа заполненный продуктами. Все это: и хлеб, и консервы, и сухари — было сэкономлено из пайка и собрано друзьями, проводжавшими юного бойца на недолгую побывку.

Быстро пролетели два дня. И вот Толя уже прощается с мамой, сестренками. Оборачивается и уходит, старательно чеканя шаг. Мелькнула у околицы фигурка маленького солдата и пропала из глаз. Больше Мария Федоровна сына не видела...

Маликовы уже вернулись в Готню, а от Толи все не было вестей.

Но однажды к Маликовым постучался военный. Уже по его глазам Мария Федоровна догадалась обо всем. Долго не могла прийти в себя от горя. Потом собралась и пешком пошла к месту, где погиб ее младший сын.

Есть на Белгородчине село Илек-Пеньковка. Здесь узнала мать про его подвиг и последние часы.

... Командованию срочно потребовались свежие данные о противнике. В ночной поиск отправилась группа из двенадцати разведчиков.

Немцы обнаружили группу, когда она уже возвращалась с задания, неподалеку от линии фронта. Чернильную тьму ночи разорвал мертвенный свет ракет. Бешеным огнем фашисты прижали разведчиков к земле, постепенно окружая, чтобы взять живыми. Выход один — прорыв.

Поднялся во весь рост командир. Голос его растворился в сплошном треске и уханье разрывов. За ним вскопчил Толя. Полы его плащ-накидки распахнул встречный ветер, они затрепетали, словно два крыла. В следующий миг почти у его ног взорвалась граната...

Отстреливаясь, отползая, разведчики вырвались за линию огня. На плащ-палатке несли Толю. Он был еще жив. В лазарете ненадолго открыл глаза, с трудом произнес:

— Передайте маме, что... — и затих.

Хоронили его со всеми воинскими почестями.

... Маликов поправил врезавшуюся в плечо лямку вещевого мешка и снова прильнул к вагонному окошку. Знакомая ширь полей, редкие рощицы и перелески, серые хатки деревень, укрывшиеся в ложбинах или разбежавшиеся по пригорку. И повсюду — то обгоревший танк или искореженное орудие, то пепелища и развалины. Следы недавней войны. И вот наконец знакомое сплетение поблескивающих путей и прижавшиеся к железнодорожному полотну улочки поселка. Сердце заняло сладкой болью.

У домика под красной черепичной крышей Ивана Семеновича вместе с семьей встретила Толина береза. Как она выросла, похорошела. Набежавший ветерок тронул ее листву, и береза встрепенулась, зашелестела — будто хотела поведать отцу о младшем сыне, о его подвиге.